

Ветеринарная трансплантация

Проза, начавшаяся с
генетики, закончившаяся
трансплантацией.

А вы бы
смогли?

Ветеринарная трансплантация.

Данная книга **не предназначена** для удовлетворения садистических потребностей. Чтобы узнать, *под какими веществами и обстоятельствами* автор сей книги её написал, **прошу прочитать** последние страницы, раздел **«Послесловие»**.

Все персонажи вымышленны. Любые совпадения случайны. Книга не предназначена для прочтения людьми

со слабой психикой или боязней ветеринаров(мало ли, вдруг тут квадроберы). Каждое нелегальное действие, выполненное главным героем преследуется по закону. События являются плодом фантазии автора, частично продолжающей, а может дополняющей предыдущую книгу(«Мое сердце ещё бьётся, Варвара»). Некоторые действия персонажей могут навредить вашей психике. Оплачивать лечение Я НЕ БУДУ!
Ресурсы автора:

t.me/warmraysofdawn

t.me/DNEBHNK_CAXAPA

Обратная связь: [iwanttodienextweek_bot](https://t.me/iwanttodienextweek_bot)

Приятного чтения!

ГЛАВА 1. Смягчение сердец.

Японцы — извращенцы. Я знал это всегда. Не по слухам, не по их еде и не по их поведению. Да я сам не знаю откуда, но знаю одно — нельзя позволять им проводить ГМО-эксперименты над людьми. Но к сожалению, не все такие умные как я и... Это случилось. Я не помню как, но очень быстро в каждом городе установили точки по выдаче экспериментальных образцов кошклюдей. Их главной особенностью было то, что им навсегда 9: они рождались младенцами, росли до 9 лет и так жили до самой смерти. По их расчётам, живя в вольере и питаясь комбикормом они могли жить под двести лет и это очень пугало, особенно сейчас, ведь в эту минуту я стою у стойки на выдаче мерзкого зверька. Это ребёнок трёх лет, он умеет ходить и не может говорить нормально, как собственно и все неко-дети. Меня, как и 40% моих сверстников

обязали взять подобное существо себе и я даже не предполагал, чем это может кончиться...

— Доктор, подскажите, а он территорию метит? — спросил я, почёсывая свою бедную голову.

— Случаи были. — сказал врач, надевая перчатки — Как с этим — не знаю, а вот с другими иногда возникали проблемы.

— Твою мать... — я сплюнул на кафельную плитку и мысленно прощался с ремонтом, мебелью, ковром, спокойной жизнью, да и вообще всем, что было мне дорого.

— А кастрировать их можно?

— Чисто теоретически нет, но в каком-то из случаев эта мера применяется — ветеринар стал рассказывать какую-то чепуху, а после ушёл куда-то и вернулся. В его руках было то самое «чудо генетики» — маленький трёхлетний ребёнок, меньший нормального по размеру, умеющий только ползать и неуклюже ходить. На его голове было два кошачьих уха, изо рта виднелись острые развитые клыки, из штанов был вытянут пушистый и достаточно длинный хвост. «Боже мой...» — это всё, на что хватало моих мыслей.

— Эти существа в своих первых версиях были очень чувствительны к воде, как и обычные коты, однако через пару недель генетики поиграли с хромосомами и эту проблему мы решили. — начал объяснять доктор — Этого малыша зовут Некобой-4452, вы можете назвать его как угодно, но первое время он будет отзываться только на код. Если вы обратили внимания на его каре, если так можно сказать, то наверное подумали, как мыть ему голову. Тут поможет обычное хозяйственное мыло. Ребёнок он нежный, капризный, иногда надоедливый, но думаю вы найдёте общий язык. Его кости очень хрупкие, потому настоятельно рекомендую вам его не бить: напомню, это уголовно наказуемо. В случае смерти котёнка и доказательства вашей невиновности, вы будете обязаны взять ещё одного и содержать... Дальше я его не слушал. Мне было наполовину наплевать, наполовину неприятно слушать всё, что говорил данный индивидуум. Ребёнок полез мне на руку и достигнув бицепса, больно впился зубами.

— Ублюдок! — с этим гневным высказыванием, я откинул его от своей руки, а после полчаса слушал вопли этого идиота и лекцию от ветеринара, что так нельзя и всё такое. Когда мне наконец разрешили свалить, я потащил ребёнка за руку во двор этого «Неко-пансионата», кинул своего нового «сожителя» в багажник машины, которую мне любезно дал сосед и поехал домой. Всю дорогу я

трясся на кочках и ребёнок бился головой и телом о стенки багажника, потому иногда я слышал раздражающее «ау», плаксивое «ня», плач и разный набор звуков. Доехав до квартиры, я, держа это существо за комбинезон, поднялся на этаж и посадил его на кровать. Я сел на корточки против него и сказал:

—Так, исчадие ада, сиди здесь, я займусь тобой через час.

В ответ ребёнок то ли кивнул, то ли пёрнул, то ли сотрясся от судорог, но я посчитал это за согласие и лёг на диван другой комнаты, полный раздумий.

«Так... Мне с ним что-то нужно сделать, что — большой вопрос. Вроде как и выкинуть нельзя, кастрировать нельзя, убить нельзя, отказаться нельзя... Дали бы мне обычного кота — я бы его любил, дали бы обычного ребёнка — я бы его любил. А это что? Какой-то тупой эксперимент японцев? Подобие жизни? Ошибка природы? Да что уж тут говорить, когда они даже вырасти нормально не могут.

Зачем мне было его давать? Что я, молодой административно осуждённый, могу с ним сделать? Пособие на него платят маленькое, а потребности как у ребёнка. Может, его соседской бабке отдать? Хотя... После случая с граффити во дворе, она меня ненавидит. Теперь мне нужно...» — мои мысли прервал звон посуды с кухни. Я мигом примчался туда и... —Мать честная... Что это за... Это подобие жизни опрокинуло ящик посуды и разбил большую часть. Он взял два осколка в руки и начал их бить друг о друга со счастливым выражением лица. Я был в бешенстве.

—Тупое создание, жалкий выродец, какого хрена ты творишь? — орал я. Если бы люди были чуть меньше, я бы вряд-ли так поступил, но в этой ситуации я выплеснул пар и сильно шарахнул его рукой по голове. Он начал плакать и отшвырнул осколки. Я схватил его за волосы и подняв на высоту в полтора метра всем телом ударил его о пол. Ребёнок завопил ещё сильнее. «Так продолжаться не должно. Так и полицию вызывать могут, а это уже перебор» — прокрутил в голове я и швырнул его на три метра в старый деревянный ящик. Его стало слышно значительно меньше, а закрыв и завязав дверь я просто обеспечил себе покой хотя бы на три часа, но нет! Надо было этой карге с третьего этажа позвонить мне в дверь! —Добрый день, Халид, у вас так шумно. — томно начала жаловаться пенсионерка — Это ваш малыш так кричит?

«Дура, откуда ты вообще знаешь о том, что у меня есть это существо? Точно, точно этот воздухан, который трижды пытался спереть мой

велосипед всем рассказал, он же сидел у подъезда, когда я его заносил» — подумал я.

— Да, он такой... Крикливый и мерзкий — выбросил я в ответ.

— Ну зачем вы так с ним! Это же ребёнок. А почему он так кричит, кстати?

Так... Надо что-то ответить и всё, что моя голова выдала, это: — Зубы режутся. Такое бывает.

— Да? Ну ладно. Мы поговорили ещё минут пять, после чего она ушла и я вернулся к своим обязанностям администратора «Трёшки». Этот имиджборд свёл с ума многих, и в их числе к сожалению оказался мой знакомый под ником «DUCK2209». Жаль его, но что поделаешь. Надеюсь, он выздоровеет и мы снова будем творить то, что творили. Я проработал несколько часов и моя голова уже гудела от постоянных конфликтов с местными обитателями и кучи ненормальных тредов. Зверюга уже вроде спала, а значит я могу прилечь тоже. Со спокойной душой я укрылся одеялом и уснул крепко-крепко, но ненадолго... Уже через четыре часа урод дёргал мои волосы и проводил когтями по лицу.

«Стоп, я же завязал крышку ящика проволокой...» — подумал я и снова ощутил когти на своём лице.

— Ах ты сука! — с этими словами я кинул его на пол вместе с одеялом, накрывшим его тело от моей слепой свирепости, и трижды шарахнул по одеялу стулом со всей силы. Адреналин переполнял моё тело, я был крайне зол. Кот моих родителей, пока был жив, тоже будил меня когтями по лицу, но он и был хорошим, а этот... От него одни проблемы. Между тем, мой «котик» утих. Это напрягало меня. Неужели я его убил? В таком случае, стоило бы заявить о том, что недалёкое интеллектом создание сбежало или что-то по типу того. Я остыл и аккуратно приоткрыл одеяло. Сжавшись в клубок, он в шоке и с глазами по пять копеек лежал на спине. «Значит, промахнулся» — подумал я и направился к туалету, ведь после такого всплеска гормонов уснуть заново было невозможно.

— Пить! — вдруг раздался настойчиво требующий детский голос ненастоящего существа. Я замер, не понимая, что происходит. Что за дела? Через пару секунд я наконец смог выжать из себя хотя бы одно слово:

— Что? — недоумевая и удивлённо спросил я. Он же совсем не умел говорить! — Пить! — повторил мальчик. «Ядрёна-матрона! Пить ему

подавай» — с этой мыслью я набрал в крупный осколок посуды воды из под крана и посадил его на кухне перед ним. Жалкая пародия человечества начала пожирать воду жадными глотками.

—Ещё! — промолвило существо.

—Из унитаза пей, дырявый хер — съязвив ему я удалился в комнату и сел за компьютер. Выждав минут пять, геномодифицированная тварь начала играть с каким-то проводом и шуметь, после чего снова оказалась в заточении того же ящика, но уже с десяткой слоёв проволоки. И снова, снова «Трёшка»...

Треды, главная, шум кулера древнего компьютера... Всё это так капало мне на мозг и я решил прогуляться. Но что делать с тем одушевлённым извращением? Не брать же его с собой. А чем можно занять ненастоящего ребёнка и ненастоящего кота? Включить ему мультки про котят? А это идея... Я посадил своего зверька на диван перед телевизором и включил ему какие-то детские мультки с сомнительным содержанием, хотя знакомое ему мяуканье должно его задержать от других идей. Я перекрыл везде воду, отключил щиток, запер его в комнате и ушёл на улицу.

«Свежий воздух, свежий воздух... Как давно я тебя не видел?» — шептал я. Это было забавно, ведь я давно не выходил улицу — «А что может заставить меня выйти на улицу? Вчера я забрал этого ублюдка и прервал месячное заточение в четырёх стенах, а сегодня я сбегая от него на улицу. Так можно и спортом начать заниматься, только не всегда получится. Хотя у кого получается? Только у Серого, который ходит по дворам спортивным шагом и бежит от собак» — в этот момент серый подошёл ко мне.

—Ну что ты, котик, довольный, да? Накормила тебя Мина? — я почесал серого дворнягу — Какой же ты всё-таки хороший. И ведь самое главное, ты настоящий! Это круто, Серый. Вряд-ли ты конечно это понимаешь, но... Всё же это очень хорошо. А вот у меня дома... Следующие полчаса я обнимался с дворовым котом. Его гладили и обнимали все, кому не лень. Кажется, рано или поздно шерстяному надоест, но он никогда не был против. Такой мягкий, гладкий, добрый... Забирать его домой никто не хотел: ему и на улице было хорошо. Холодными зимами он грелся в подъездах, а если не мог войти, так совсем озябнет, а запустить котика в тепло было великим достижением для каждого. Прощавшись с дворовым любимцем, я поднимался на этаж. Осталось ли что-то от моей квартиры? Быть может, уже пора вызывать МЧС?

«Ну, узнаем!» — бодро вымолвил я и открыл дверь. Сначала я даже удивился: он не открыл межкомнатную дверь и сидел напротив телевизора. Свои голубые глаза он направил на меня.

—Неко-кака! — стал молвить выродок японских фетишей

—Да ты не просто кака, ты говно ещё то — ловко парировал Штирлиц в моём обличии

—Неко-кака! — снова повторил мальчик

—Да-да, ты говно, согласен.

Когда существо продолжило раздражённо и настойчиво повторять одни и те же звуки, я понял, что он окрасил комбинезон в цвет своей жизни и испытал ужасное отвращение. Я взял его за волосы, в ответ он пытался дотянуться своими руко-лапами и ногами дотянуться до меня, выпустив когти. Я кинул его в ванну и брезгливо снял с него комбинезон, взял душевую лейку, выставил максимальный напор и направил на причину своего недовольства.

—Ааа! Неко больно! — стал ныть отвратительный ублюдок.

—Да плевать мне — сказал я и поставил воду погорячее. Он начал рыдать, но мне было безразлично. Закончив его мыть, я обернул его в простыню и посадил на самый высокий шкаф, чтобы он не смог мне помешать. Итак, с существом покончено, а что теперь? Снова моя любимая «Трёшка».

Я вернулся к имиджборду. Сегодня там, на удивление, было спокойно и я просто перечитывал одни и те же треды по типу «Куда делась утка?» и «Вспоминаю вишенный я сад». Начитавшись, я не заметил как наступила глубокая ночь и я уснул. Беззаботным сном. Подобие ребёнка играло на шкафу чем-то шурша и я впервые не метнул в него чем-то тяжёлым, а даже смирился с его детской сущностью. Видимо, уживаться начали... Утром я первым делом снял его со шкафа, налил ему в старую-старую тарелку молока и поел сам. Пока я ел, существо ушло с кухни в комнату, где я обычно работал и начало издавать непонятные звуки, ворочаясь на полу. Когда я вернулся туда, он посмотрел на меня и плачущим голосом произнёс:

—Неко больно!

—Не ври ты — последовал мой ответ — не бил я тебя.

—Больно! — снова стал жаловаться он.

Я пытался это проигнорировать, но он начал стонать от боли и схватился за пах. Этого ещё не хватало... Порезал, сломал, откусил: что он сделал со своим достоинством? Я подошёл, положил его на

спину и заметил баланопостит. Ну как «кот» может довести организм до такого! Кот хотя бы вылизывает свои причиндалы, а этот... Как даже подобие кота могло бы себя до такого довести?

Я подошёл к аптечке, благо все препараты были новые. Я вынул оттуда перчатки, левомецитин и обнаружил скальпель. Да, когда-то я пытался оперировать котов и это было даже успешно! Правда, кастрацией я не занимался никогда, а тут именно такой случай. Но кто запрещает мне опробовать? Вроде как это человек, а вроде как кот. Да и «орган» у него человеческий.. Я взял ампулу ропивакаина гидрохлорида и набрал в шприц немного физраствора, затем небольшую дозу того самого препарата и вернулся к существу. — Неко больно! — со злостью или явной истерикой жаловался он. — Заткнись ты. Сейчас мы тебеотрежем причину боли — с этими словами больной был схвачен мной за ногу и принесён на кухню, где доктор в моём лице его разместил на старой простыне. Натянув перчатки, я воткнул в него шприц, от вида которого он начал кричать на весь дом, поэтому один марлевый бинт пошёл на то, чтобы заткнуть проблемному пациенту рот. Проведя местную анестезию, я завязал «ребёнку» глаза и вооружившись скальпелем провёл надрез по крайней плоти. Спустя почти час работы с дёргающимся засранцем, я сложил инструмент и всё тщательно обработал. Пока наркоз медленно спадал, а говорить он ещё не мог, но сквозь размокший от слюны бинт уже доносились вопли не то боли, не то отвращения, я заказал кляп из ближайшего БДСМ-магазина. Я не знал, где ещё можно купить такую вещь, поэтому пришлось заказать там. Я одел его в уже высохший комбинезон и уложил на старое колючее одеяло, которое застелил тряпками. После процедур и отхода человекоподобного от шока, я смазал область работы левомецетином и надеясь на эту противовоспалительную мазь. На удивление, кричать он перестал и даже выглядел неплохо. Кровавую простыню я отстирал и любезно присвоил ему. В душе присутствовала гордость, ведь теперь я первый в мире хирург-уролог по таким жалким созданиям. И всё же, надо было работать. Я вернулся на имиджборд и между делом спросил на исламских и хирургических досках, всё ли я делал правильно. Там мне ответили, что в целом я был молодец и нормальный человек возрастом в три года ничего бы не чувствовал. «Был бы ты человек» — подумал я, глядя на пациента и снова уснул за столом. На утро он снова играл с чем нашёл, а я мысленно надеялся на то, что когда ко мне придёт госпроверка, рассматривать половые органы жертвы моей хирургии они не будут. Мысли мои

оборвались как волос, когда я услышал звук рвущихся обоев, рёв и почуял запах бетона. — Ублюдок, что ты творишь?! — закричал я, увидев рваные обои. Это было за гранью всего, что можно было представить, а потому я не стал медлить. Через пару минут тот же стол превратился в операционную, руки ребёнка японских фантазий оказались привязанными к столешнице, а моим главным инструментом стали кусачки. Да, котам вырывают когти и эту процедуру называют словом, чем-то похожим на аниме, однако я его не помнил, да и опыта не было, а любой контакт с когтями для него был болезненным. Осмотрев их, я обнаружил, что кровеносные сосуды присутствуют почти по всей длине когтя, в отличие от кошки, у которой кровеносные сосуды только у основания, а потому от операции я отказался и взамен высек его жгутом, им же завязал его руки и посадил на шкаф, поставив рядом миску молока. Кляп пришлось вынуть. Вернувшись на свою платформу, я обнаружил новую доску «Кошколюди». Там люди жаловались на программу «Смягчение сердец», которую депутат Паскачёв любезно провёл в каждом доме, обсуждали возможность отказа или усыпления зверюги на нелегальной основе и их воспитание. Там же я выяснил, что им бы хорошо обустроить вольтер, они боятся пылесоса, на седьмом году жизни производят большое количество неконтролируемых семьяизвержений и так далее. Мои три доски сразу стали пустеть, а значит и работы мне стало меньше. Я открыл чипсы и услышав протяжное и восторженное «Мне!» со шкафа ощутил вибрацию от пола. Донёсся глухой звук. Эта пародия на жизнь упала со шкафа, желая попробовать чипсы, которые я ему никогда бы не дал. Рёв был на весь дом. В дело снова вступил кляп и мои медицинские познания, подсказавшие, что это ушиб и нечего ему так орать.

За свой ор он был наказан получасовой пыткой быть подвешенным за ногу вниз головой, а я решил пройтись по улице и успокоиться... Но что такое покой? Покинув дом, я увидел Серого, который кричал и дрожал от боли. Его хвост был отгрызен, лапы еле держали его, он был залит кровью. Недалеко слышался вой Алабая, который видимо получил когтями по морде и лишился глаз. Увидев бы своего пронумерованного недоумка и по совместительству своего сожителя в таком состоянии, я бы сжёг его в печи, но живой кот никогда бы не стал причиной моей агрессии. Я подхватил его и потащил домой. В один момент на его хвосте появился жгут, однако мало что могло помочь в такой ситуации. Он наверняка получил большое количество инфекций во время явно непродолжительной

драки. Хвост кота явно шёл на ампутацию и сомнений в этом не было, но отрубить весь хвост было бы лишним: любой знающий, что без хвоста кот счастливо не проживёт, не стал бы отрезать лишнюю часть. И тут я обнаружил, что нервы в хорошем состоянии и если был бы кот-донор, то я мог бы попробовать сохранить эту важную частичку кота. И тут мне пришла удивительная идея...

Донор в виде Неко-сволоты и реципиент в виде Серого были выбриты у хвоста. Обоим я вколол незнамо что, так как действовал быстро, однако донор впал в общий наркоз, что позволило безопасно отделить от него хвост, оставив только что-то похожее на человеческий «копчик». Коту же я ампутировал повреждённую часть хвоста и соединив нервы сшил кожу.

Донор был заранее связан, ему я заткнул рот и положил в шкаф со всяким хламом. Реципиент был обработан со всех сторон, его новый хвост подходит по размерам, в кровь были введены антибиотики. Тут уже никакой гордости: я тяжело дышал, кота было жалко. Я ввёл ему ещё анестезии для снятия болей и уложил на кроватку. Через месяц всё должно было быть хорошо. Позвонки я соединил титановыми винтами, которые когда-то извлекли из моей спины после разборок где-то во дворах. Когда донор проснулся, он начал кричать даже через кляп. Я вынул его из шкафа, он извивался как червь. Когда я достал кляп из его рта, я услышал громкое и невыносимое «Неко-хвостик! Где?!». Я вообще не ожидал что он что-то поймёт, но мне было плевать. Через какое-то время его звуки так и не утихли, после чего он был лишён сознания подушкой и за не очень активное сопротивление (хотя развязав его, я бы вряд-ли выжил) высокой дозой снотворного. Существо пережило его хорошо и спало почти 15 часов. Серый к тому времени привыкал к моей квартире, я купил ему кошачий корм и обустроил место для сна из собственной любимой подушки, которую пришлось резать и перешивать для удобства любимца. Также я стал кормить его препаратами для роста шерсти и уже через две недели он выглядел как будто с ним всё хорошо. Кот стал вольноотпущенником, а во дворе пошли слухи о его мистической способности отращивать хвост. Я, конечно, смеялся над их словами, но назвать источник органа для трансплантации не мог, а потому просто поддакивал. Мой домашний мучитель постоянно жаловался на отсутствие части хвоста, размер его был чуть больше чем у купированной собаки. Один раз я просто сидел на диване, не обращал на него никакого внимания ни на его странные звуки, ни на разбросанную по всему дому шерсть. Выродок подошёл ко мне и недовольно воскликнул:

—Ня! — лицо его сделалось кислым и противным.

—Ну чего тебе, ишак? — в ответ на это кот повернулся ко мне спиной, принаклонился, спустил с себя штаны и указал на небольшой хвост. В ответ я лишь отодвинул его ногой и продолжал игнорировать всё, что он делал, но он подбежал вплотную, стал махать своими подобиями рук и лап перед моим лицом и издавая звуки, пытающиеся обратить моё внимание на его проблему. Я снова его оттолкнул и кинул ему игрушку в другой конец квартиры, куда он с радостью побежал и я наконец смог забыть о кошачьих воплях. Иногда меня мучает вопрос: а всё ли правильно я сделал? А заслужил ли Неко этого? А точно ли нужно было это делать? Конечно, редко меня терзала совесть. Главное, что Серый жив, здоров и никто ему не мешает. Без хвоста уличному коту было бы сложнее, а этому домашнему овощу... Должно быть плевать.

Через какое-то время я всё же решил выйти на прогулку, прихватив это существо с собой. Опасно было брать его раньше, учитывая его синяки и ссадины, полученные явно путём избиения с моей стороны, а потому я дождался, когда всё зажило и вышел на улицу. Держать подобного рода существ на поводках строго запрещалось и каралось такими штрафами, которые я не мог себе даже представить, потому на шею его я одел собачий шоковый ошейник и был готов в случае попытки сбежать от хирурга-любителя нанести тяжёлую, острую боль. Изначально он бегал по траве, прыгал, лазал по домикам на детской площадке, пытался поймать птиц, но был трижды с позором клюнут в затылок, из-за чего полчаса ревел как ненормальный. Когда он успокоился, я наконец смог спокойно сесть на лавку, повернул голову и увидел Серого! Он уже оброс шерстью, выглядел довольным и радостно побежал ко мне, начав ласкаться и пытаясь залезть ко мне на руки и я безусловно не мог отказать. Это так мне напоминало детство, когда я запретил родителям кастрировать злого кота, который меня ненавидел и терроризировал, а я в ответ вырвал его из рук ветеринара и пытался убежать. Кошачье сердце тогда растаяло и он стал любить меня сильнее всех, мы были не разлей вода, однако его жизнь оборвалась также трагично, как могла оторваться Серого: питбуль соседей загрыз нашего Грома. Возмещать ущерб нам отказались, а потому на ночь глядя я взял отцовское ружьё и положил псину. Троих выбежавших из остальных будок псов тоже подстрелил, один из них погиб сразу, остальные — не знаю. Далее соседи нас избегали. Увидев, что я прижимаю серого к себе, существо подлежало ко мне и протянув руки начало кричать какие-то звуки, явно пытаясь показаться милым,

чтобы я переключился с настоящего кота на жалкую пародию. За такое предложение было немудрено получить пендаля и отлететь на два метра. За пару-тройку месяцев избиений я уже приноровился бить и душить, не оставляя следов. Существо понимало только язык силы, и пока его не доведёшь до полусмерти — не одумается. В ответ на мой пинок он начал плакать и кричать, желая вызвать жалость, но вызвал только отвращение. Серый смотрел на меня так, будто его от всей ситуации тошнит и умоляющим взглядом просил забрать себя домой, а этого отдать собакам. Эх, если бы я так мог! Комбо человека и кота почти сразу поняло, что нам его подход не нравится и он решил устранить конкурента. Для этого он изобразил, что успокоился и играет, а сам потихоньку подбирал нужный ракурс, занял боевое положение и совершенно неожиданно накинулся на серого. Своими когтями он мог бы его разорвать, но большую часть удара приняли на себя мои руки, Серый отскочил в противоположном направлении, распустил хвост, вытянулся и в момент накинулся на моего неудачного сожителя, который своими зубами впился мне в руку. Серый был чрезвычайно зол, лапы его били с невероятной мощностью. Брызги крови полетели на моё лицо, а теперь уже обороняющийся агрессор не мог издать ни звука: от боли его словно парализовало. Я взял Серого на руки пытался успокоить. Сначала он хотел и мне вмазать, но потом понял, что как-то некультурно да и вообще я сам могу того придурка избить, поэтому уселся у меня на коленях и прижимался ко мне. Проигравший лежал на спине, из его царапин текла кровь, из глаз тихо катились слёзы. Он понял: нет смысла пытаться дать отпор настоящему коту, тогда как ты лишь его жалкая пародия. И видимо понял, что его шансы быть любимым мной после всего, что он делал были на нуле. Я почему-то снова вспомнил случай в соседской псарне. А ведь я тогда за кота убил, и сейчас могу... Но только вот убийство обычного кота волновать не будет никого, кроме гражданских, а убийство этого ублюдка будет волновать только органы власти. И тут я понял, что осознав превосходство кота над ним, он перестал плакать и пытаться что-то сделать, потому я решил почаше выводить его на улицу. В качестве компенсации ущерба, Серый получил пакет самого дорогого корма, а своего «кота» я решил наказать более жестоко.

Пройдя домой я усадил его на стул и привязал к нему. Рот заткнул кляпом. Ощукая себя персонажем очередного американского романа, я начал бить его током из сразу двух ошейников: на руке и на шее. Следы от ударов током я замотал бинтами и замазал

заживляющей мазью, а почти бессознательное тело я положил его в ванную с холодной водой, где он пытался согреться движениями, но был максимально заблокирован всем, чем я смог его привязать. Я вернулся на форум. Я бегая глазами искал метод избавления от Неко и узнал, что единственный способ: донорство сердца ребёнку. С таким сердцем ребёнок доживёт только до десяти лет, а после придётся либо менять его, либо оно приживётся и всё будет хорошо. Однако такое донорство возможно только в случае нанесения тяжких телесных повреждений этим вырождаем японских фантазий, а потому этот вариант с законодательной точки зрения не подходил. Ну не хотел я быть со своего позволения разорванным! Вместо этого я решил прибегнуть к чёрной трансплантации и связался со знакомым. Он обещал подъехать.

—Ты идиот? Ты реально собираешься выпотрошить его на органы?
— возмущался он

—Курбан, либо мы спасаем детям жизнь, либо этот хрен портит жизнь мне. Мы должны помочь людям, а не заниматься законами.

—Пойми, чтобы провести трансплантацию, нужно заполнить огромный пакет бумаг, иначе мы все сядем! Это твоё... Существо по определению не подходит для трансплантации, государство такое не одобрит

—А если родитель согласится? Помнишь как дети-реципиенты умирали, а ты ничего не мог сделать? А теперь можешь.

Курбан поменялся в лице. Он понимал, что это большой шанс для нас всех и если нам получится как-то обойти закон, то мы спасём ребёнка. Эта мысль не давала ему покоя и он сразу нашёл согласного реципиента, договорился о времени и продумал план, как заявить о пропаже существа.

—Перед трансплантацией я ампутрую ему когти. Не волнуйся, опыт был — я начал свой рассказ. — Его нужно будет ввести в глубокий наркоз и перед тем, как мы начнём изъятие сердца, титановую пластину из его тела с личным номером животного надо будет удалить. Она находится в ноге, эту операцию я проведу за день до трансплантации.

—А он столько наркозов выдержит?

—Курбан, у тебя в клинике дети без функционирующих органов живут по пять лет, а ты мне тут о наркозах. Не переживай. Отец той девочки дал согласие?

—Да. Он уже давно на всё согласен.

—Отлично. Через две недели заедешь за мной.

ГЛАВА 2. Две недели.

Вы когда-нибудь убивали человека? Думаю, нет, как и кот. Для меня убить человека было бы намного легче, чем хотя бы ударить, а уж тем более убить пушистика. Но что делать, когда тут два в одном?

Неужели нет какой-то методики, как безболезненно для всех убить такое существо? Хотя с другой стороны, есть ли способ без угрызений совести оставить настоящего ребёнка умирать в пользу жалкой пародии? По-моему, проще себя убить, чем ответить на все эти вопросы. Я ведь обещал тому поэту, что буду жить счастливо со своей женой и никогда не бить посуду. Вот только там, где он сейчас, должно быть плевать на все, в том числе и на меня.

Я стал больше игнорировать «котёнка». Рваные обои, сломанная дверца шкафа, трагическим образом застрявшая в его прямой кишке игрушка... Это все уже не тревожило меня, разве что вынимать

инородное тело из прямой кишки это так себе удовольствие. Он также просился на руки, пил молоко, пытался отобрать у меня чипсы. В какой-то момент он начал худеть и я понял, что одного ультрапастеризованного молока ему уже не хватает. Тогда я решил накормить его чем-то, чем меня кормила мама в детстве. А чем она меня кормила? Я вообще когда-то был ребёнком?

Все, что мне пришло в голову — это суп. Варить его долго, из-за чего это блюдо я и сейчас недолблю, но что поделаешь — скотина должна питаться. В последнее время я часто на него ругался, а потому на слова «дебил» и «зверь» он уже отзывается, а остальных слов начал бояться.

Суп вышел неплохим. Жалко мама сейчас приехать не может, так бы восхитилась моими кулинарными навыками. Я посадил идиота за стол, вручил ему ложку, разместил тарелку перед ним. Он уже умел держать ложку, так как в один день я заставил его чистить стену от обрывков обоев именно этим прибором.

Неко-скот взял в руки ложку, понюхал суп, посмотрел на меня и сказал:

—Фуу, не буду — и демонстративно отвернулся. Говорить он умудрялся только когда капризничает, а потому и любое слово из его уст меня выбешивало. Пару минут я просто сидел и молчал, чтобы его не убить, а потом сказал:

—Ешь — одним этим словом я выпустил пар и придвинул обратно к нему тарелку. В ответ на это он лишь высказал отвращение к моей стряпне одним «бе» и швырнул металлическую тарелку супа в стену. Та такого обращения не потерпела, отскочила и весь горячий суп облил это существо, от чего оно начало реветь. Я лишь облил его сверху холодной водой из кувшина в холодильнике и ушёл, пытаюсь совладать с собой. Убийство в любой другой момент я мог бы себе простить, но не сейчас. Оставить девочку без такого нужного ей сердца... Это было бы просто недопустимо, поэтому я ушёл, успокоился и вернулся на кухню. Виновник моей ярости вылизывал все остатки супа с явно счастливым лицом, но когда увидел меня, нарочно пытался вызвать рвоту.

«Гадкий ребёнок, которого жизнь ни чему не научила» — подумал я и снова покинул кухню, дабы голодающий все долизал, что он собственно и сделал.

Я сидел на диване. То, что принято называть гибридным существом приползло ко мне и начало играть с заводной мышкой. Видимо, ему было весело, потому он не мешал мне думать о правильности моего решения.

—Неко, знаешь, ты же не человек... Да и не кот, даже не что-то среднее. Как личность ты совсем никто и я прекрасно это понимаю. Мы оба это прекрасно понимаем — я пытался успокоить себя рассказом ему о его же столь скорой кончине. Ему, кажется, было все равно и это меня тревожило. Тогда я решил сказать ему прямо: — Неко, знаешь, а ты скоро умрёшь. И я не шучу.

—Ня? — он вопросительно посмотрел на меня своими большими голубыми глазами, будто он впервые меня понимал.

—Да, это та... — с моей ноги сполз тапок — А, ты хочешь поиграть с тапком? Ладно, Гром и Серый тоже так делали. На, воля твоя.

Я протянул ему тапок и он стал гоняться с ним по всей квартире. Вроде как он радовался, а вроде и был готов к тому, что его ожидало. Медленная и безболезненная смерть... Просто мечта для любого одинокого пенсионера, но слишком дорогая, а потому неосуществимая.

— К сожалению, кто-то должен пожертвовать здоровым органом ради другого, более развитого существа — сказал Курбан, занося баллон закиси азота, маску, комплект стерильных инструментов и набор первичной реанимации — У нас остаётся девять дней, за которые ты должен произвести онихэктомия и изъять из его ноги пластину с чипом. Онихэктомия рекомендую провести сегодня, чтобы если что я принёс ещё закиси азота, вдруг мы что-то не рассчитали.

—Курбан, а ты...

—Даже не проси! — перебил меня трансплантолог — Очень глупо было бы мне с моим стажем переходить на котов. Даже не на котов, а... Это вообще кто? — в ответ я лишь пожал плечами — Впрочем, неважно. Самое главное, ты должен заняться этим сам. Детям в больнице должен кто-то помогать, на сегодня это я.

Я и не заметил, как в прошлом афганский боевик улизнул обратно на работу, но в целом, он был прав: он не очень силен в плане хирургии конечностей, а тут пахнет не какими-то швами, а ампутацией когтей и возможно целой фаланги и так на каждом пальце.

Пациент уже был готов к операции. Я надел халат, стерильные перчатки, вакуумные очки, шапочку для волос и тяжёлые ботинки, чтобы я был максимально неподвижен во время проведения операции. Инструменты были стандартные, разве что добавилась пила Лангенбека для возможной ампутации фаланги. Проблема была в неизбежности операции, ведь на случай оказания сопротивления перед операцией наносить какой-либо урон было нельзя, поэтому

было решено заранее ампутировать когти. Эту задачу сильно осложнял факт полной неизвестности строения когтя этого засранца. Если у кошек когти прикреплены к костям, то как это устроено у него? Рентген в домашних условиях сделать абсолютно невозможно.

Также рассматривался вариант полной ампутации кистей и стопы, но от этой идеи было решено отказаться по причине нецелесообразности, ведь в таком случае нужна инвалидная коляска или хотя бы обычная, а также мне пришлось бы кормить его с ложки. Поэтому операции я присвоил класс «Экспериментально-исследовательская» и когда существо играло с машинками, я положил его на стол, застеленный простыней и он даже не успел пикнуть, как закись азота заполнила его лёгкие и он уснул.

Быстрым движением я разрезал палец с тыльной стороны, рассёк мышцы и раздвинул их, зафиксировал хирургическими зажимами. Здесь была кошачья схема, только для когтя был отдельный сустав и отдельная кость. То есть, ампутация бы не сильно испортила ему оставшиеся восемь дней, ведь этот он уже не проживёт, а пролежит. Один за другим я бережно отделял суставы и следил за пульсом на пульсоксиметре. Уже на четвёртом пальце я заметил учащение пульса и мне показалось, что он пытается сморщить лицо. Да, при общей анестезии возможно почуять холодный скальпель на конечности, но не боль, хотя я решил дать ему вдохнуть ещё немного газа в лёгкие. Операция закончилась успешно. В скором времени все пальцы были защищены и обработаны, а он связан. Это было сделано только из этических соображений, потому как при отходе от наркоза дети зачастую пытаются сорвать повязку. Но тут уже каждый по-своему.

От наркоза он отходил быстро и уже через сорок минут жаловался на боль в пальцах. Я вколол ему кеторола и ушёл спать, но звук его плача то ли от неутраченной боли, то ли от страха или потери когтей не давали мне покоя. Я решил не проявлять лишней жалости и быстро уснул, заткнув уши марлевыми бинтами.

Поутру он был развязан и перебинтован.

—Мне? — просил он, тыкая своим пальцем по моей ногтевой пластине. Видимо, он надеялся на имплантацию ногтей, но от такого я отказался. Я впервые дал ему манную кашу и он уже спокойно её ел, словно был искренне счастлив ощутить этот вкус. Я тоже скучал по её вкусу, поэтому ел с ним за одним столом. Он попросил добавки. Какие именно я не понял, поэтому дал ему кальций. Он несколько разочаровался, но таблетку послушно съел. Остатки костей и когтей я закопал в клумбе бабушки Нины, которая жила этажом выше. Дескать «удобрил», если такое выражение действительно подходит. Днём он

играл с заводной мышкой, а я только смотрел какой-то сериал о войне. От работы меня уже тошнило, а свободный график в случае чего оправдал моё бездействие. И так проходили дни, пока снова не пришёл тот самый трансплантолог с новым набором инструментов.

—Завтра пластина должна быть удалена, чип нужно замкнуть. Я связался с подобными трансплантологами, они сказали что чипы историю местоположений не ведут и даже никуда не передают. Удалённые ткани ты куда дел?

—Эээ... В клумбе закопал — признался я.

—Ты че, придурок? Я бы забрал и в клинике в крематории сжёл бы втихаря. А ты что?

После непродолжительной беседы Курбан удалился, трижды назвав полным идиотом, дважды конченным недоумком, четырежды эукариотом и лишь единожды похвалив, чего мне хватило, чтобы не обидеться.

Завтра из ноги будет удалена пластина, послезавтра трансплантация, после — общая кремация останков и только потом спокойная жизнь, если госпроверка от меня отстанет. Но никогда не знаешь, что будет дальше.

Спать было тяжело. Я буду должен присутствовать при трансплантации, а также ассистировать и помогать Курбану. Он не впервые занимается таким и прекрасно понимает все сложности. Оттого я узнал, что более четырёх часов оставлять сердце без ишемии, то есть питания кислородом, совершенно нельзя. То есть донор будет лежать рядом с реципиентом и один приобретёт жизнь, другой же её лишится. Таким образом становится совершенно ясно, что операция имеет смысл, вот только... Это очень опасно. Реципиент может откиснуть раньше нужного, что недопустимо. Также проблема заключается в методе трансплантации, как минимум потому, что он мне до сих пор неизвестен. Также напрягал факт отсутствия полноценных условий, потому работа будет производиться ранним утром. Отец реципиентки будет сидеть рядом, это тоже минус. Но, наверное, единственный плюс — есть шанс спасти девочку от хронической сердечной недостаточности. В ином случае она просто умрёт, а это всегда расстраивало Курбана, а так как смерти в таком отделении являются просто его основой, он всегда ходил кислый. А что ещё? Да ничего, наверное. Я просто устал обо всем думать и выпил снотворного, из-за которого очень быстро уснул.

ГЛАВА 3. Начало конца.

Утром я был хладнокровен. Я не кормил его ничем, а потому смело схватил на руки, оттащил на кухню, организовал освещение и заглушил его крики подушкой. Общая анестезия действовала долго и организм словно отказывался воспринимать закись азота, поэтому я остановил подачу газа и начал душить Неко, пока он не начал синеть. Сразу как мои руки отпустили его, я одел на него маску и возобновил подачу закиси. Через некоторое время я мог гордо заявить, что такой метод легко позволяет заставить наркоз действовать быстрее. Когда существо перестало сопротивляться, я рассёк мягкие ткани с нужной сторон. Работать около голеностопа страшно и опасно, потому как шанс задеть артерию большой, а как выяснилось именно к тарановой кости была прикреплена пластина с чипом. Выяснилось это ещё ранее путём массажа. Обнаружить эту микропластину было трудно, она была очень небольшой и видимо схожей по цвету. Я бегал глазами и искал эту чёртову пластину, но нигде её не было.

—Да где же, где ты, сука! — ругался я. Ругань мою смог прервать только звонок в дверь. По голосу я узнал того самого ветеринара и понял: это проверка.

«Твою мать... Надо что-то делать! За все, что я сделал светит пожизненное заключение. Не открыть — выломают. Они же видят свет в глазок» — мысли одна за другой в мгновение прокрутились в моей голове. Но я понял: уже слишком поздно что-то менять. Обратной дороги нет, сейчас тот самый миг, та самая секунда, когда решается: все или ничего. Смерть или шанс на жизнь, земля или воздух, заточение или свобода. И я решился не сдаваться. Адреналин ударил мне в голову, мои руки и ноги налились кровью, в глазах появилась ярость. Я скинул с себя медицинскую маску и халат, окровавленные перчатки кинул в раковину и открыл дверь. За ней стоял тот самый ветеринар и какой-то представитель областной Думы. На ремне я увидел кобуру, но напряжение нисколько не спало и я улыбнулся навстречу смерти.

—Добрый день — начал диалог в грубом тоне компаньон ветеринара из-под своего прокуренного чёрного плаща. — На вас поступила жалоба от соседей, мы должны проверить жилищные условия объекта под номером четыре тысячи пятьдесят два. Не препятствуйте проверке.

Окончив на этом свою речь, доктор пошёл в одну комнату, а человек в плаще направился к кухне, благо я его развернул.

—Вам туда. Он там.

Непрощенный гость послушно развернулся и мои налитые кровью руки ударили его стулом по голове. Обернувшийся на звук ветврач уже хотел защититься, но тут же был нокаутирован. Ну все... Теперь медлить нельзя. Оба в одночасье оказались связаны, благо этому я хорошо научился на Неко. Обоим я заклеил рот армированной клейкой лентой. Вопрос их жизней встанет позже, сейчас стоит вопрос только жизни биологического безобразия.

Я направился к кухне, как в квартиру залетел Курбан и чуть не сбил меня с ног.

—Халид! — тяжело дыша он начал говорить —Проверка идёт сюда, нужно...

Я повернул его голову в стороны двух связанных гостей. Это его несколько обрадовало.

—Завершим операцию и летим в клинику — сказал Курбан.

—А с этими что делать? — я задал ему вопрос

—Не знаю... В лес вывезти и отпустить.

—Курбан, ты афганец. Вспомни прошлое.

Глаза Курбана расширились, он смотрел на меня с ужасом. Я знал, что это его секрет, о котором он никому не говорил, но я почему-то об этом знал.

—Откуда ты...

—Курбан, я знаю о твоём прошлом, но не помню откуда. Хоть убей. Но о нем ли идёт речь? Мне плевать, на чьей стороне ты воевал, главное что ты хороший человек. И не талиб, ты же воевал до Талибана.

—И чем я по-твоему из замочу? Хату кровью заливать?

—Нет, почему. Есть аптечка. Дальше сам.

Курбан взял аптечку и посмотрел на меня, словно ожидая моего одобрения. В ответ я лишь молча кивнул, Курбан направился к инспекции и послышалось недовольно мычание через скотч. Я продолжил операцию. Пластина оказалась совсем близко к суставу и висела на какой-то проволоке, состав которой оказался мне неизвестен. Воду для замыкания чипа я так и не нашёл, а потому просто раздавил его зажимом.

Неко был зашит, а голоса утихли. Каким образом Курбан убил этих людей меня мало волновало. Мы кинули животное в багажник и в клинике наркоз стал постепенно спадать. Из-за того, что реципиента тоже нужно подготовить, мы дали Неко прийти в себя, ослабили боли и он почти сразу начал ходить. Каким образом он так легко отходит от наркоза — непонятно, но я решил учесть особенности гибрида на будущее. Мы положили его в одну палату с девочкой, которой планировали отдать сердце этого выродка. Неко уже был в сознании и мы сами не заметили, как она начала с ним играть. Ей нельзя было бегать, но она кидала ему какие-то игрушки и он бегал за ними, а после просил кинуть ещё. Реципиентка видимо поняла, что я его хозяин, а точнее отец. Признать себя отцом было неприятно, но говорить девочке правду никто не собирался.

—Дядя, — девочка дёрнула меня за руку — А с вашим сыном можно будет потом играть? Ну, после транс... Трансплен... Ээ...

—Нет, Аня. Он неизлечимо болен — ответил я ей и моё сердце ёкнуло от такого ответа.

—Значит он умрёт? — она печально смотрела мне в глаза

—Ну нет, почему же. Просто он будет жить в больнице всегда.

—А дядя Курбан разрешит его навещать? — она посмотрела на трансплантолога.

Тот сказал ей, что мальчик потом уедет в сказочную страну, где добрые врачи-принцессы будут кормить его лечебной розовой сладкой ватой. Такой подход врача к детям вызывал не то смех, не то слезы. Но я решил держать себя в руках и не подавать виду, а лишь

поддакнул, чтобы девочка не подумала что это ложь или не убедилась в его скорой кончине.

Эти игры продолжались недолго. Подкупленный специалист сделал Неко УЗИ и установил, что размер сердца подходит к Ане и можно начинать трансплантацию. Оба пациента не были накормлены чем-то. Настроение гибрида было хорошим и иногда он даже любовался швом на стопе. Видно пластина причиняла ему боль при ходьбе и беге.

И вот, время наконец доползло до начала операции. Вокруг три специалиста, я как ассистент, хирургические инструменты, два «электрических сердца», используемые как временные до самой трансплантации, два рядом лежащих пациента и два баллона с закисью азоты, шприцы морфия и других мощных обезболивающих. Аня посмотрела на постоянно глядящего на неё зверька.

—Тебя тоже будут оперировать? — она спросила это с голосом, наполненный тревогой, но панического страна я не заметил.

—Неко страшно — ответил он.

—Не бойся, дядя Курбан опытный. У меня был тут очень больной друг, но дядя Курбан быстро его вылечил. И тебя вылечит.

Знакомый мне лекарь взглянул в мои глаза, наклонился и на ухо прошептал:

—Она просто не знает, сколько его батя отдал за это денег.

Он был прав. Когда у тебя много денег, большое количество проблем можно решить. И не важно, о качестве продуктов идёт речь или об очереди на трансплантацию. А отец Ани не обладал большими средствами: он побирался от улиц и стеклянных коробок в супермаркетах до телевидения. И никак он не мог себе позволить подняться в очереди на трансплантацию. А дочь так была похожа на жену, которую он не мог спасти. Потеря дочери точно довела бы его до могилы... Но он не сдавался.

—Ребят, — дрожащим голосом начал родитель реципиентки — прекратите это, пожалуйста. Начните уже... Я не могу на это смотреть....

Он в слезах ушёл. Мне тоже было местами больно осознавать всю ситуацию. Они подружались, играли вместе, она подарила ему свою игрушку, которую я обещал отдать гибриду по возвращению домой. Но туда он никогда не вернётся: он умрёт. Сегодня, прямо здесь, на этом столе.

Я посмотрел на врачей. Они переглянулись. Я кивнул. Лица детей накрыли маски с газом и Курбан сказал им, что они вот-вот крепко уснут и если представят любимый мультяш, смогут туда попасть.

Я осматривал пластикового жирафика, который достался в дар моему «питомцу» от реципиентки. Неко протянул руку и я положил в неё игрушку, которую он тут же отложил и снова протянул руку, словно пытаюсь поймать меня за мою. Я взял его кисть и посмотрел ему в глаза. Он слабо вымолвил:

—Неко спать...

—Спи, спи, котёнок. Ты будешь очень крепко спать... — я сказал ему это, в ответ на что он посмеялся и уснул с улыбкой на лице. На этом драма закончилась: я встал с колен и началась операция. Курбан протянул мне ту самую пилу и произнёс:

—Пили. Я не дотянусь.

Это было тяжело... Я кивнул и медленно одно за другим отпиливал ему ребра. Вскоре врачи, работающие над девочкой уведомили о полной готовности, а я все также медленно отделял одно за другим ребро. Как только я закончил, я лишь поднял взгляд. Курбан, контролировавший процесс скомандовал строгим голосом:

—Приступаем к трансплантации!

Тут мне уже было не по себе. Я держал зажимы, подавал инструменты, держал трубки аппарата искусственного сердца... Ужас продлился недолго. Через несколько часов неизвестный врач, занимающийся сердцем Ани сказал:

—Трансплантация успешно завершена! Зашиваем?

Курбан взглянул мне в глаза и тихо сказал:

—Неко ещё живой. Пока мы не отключим искусственное сердце, мы можем привести его в сознание и дать тебе попрощаться. Помни, это твой выбор. Решение за тобой — далее он повернулся к остальным специалистам и произнёс: — Работаем.

Тело девочки по частям собрали. Она выглядела... Как на вскрытии, но ещё живой. Электрокардиограф показывал ритмичные сокращения миокарда.

—Ритм синусовый — вымолвил кардиолог — Прогноз благоприятный. Транспортируйте в палату интенсивной терапии.

Девочку увезли. Врачи постепенно начали сворачивать инструмент, кроме Курбана. Он остался со мной и глядел в мои стеклянные глаза. Я стоял без усталости, пока Неко тихо-тихо не начал просыпаться. Специальной шторкой от него закрыли вид на собственную грудную клетку.

—Ня — раздалось вскоре.

—Тише-тише. Не шевелись — трансплантолог стал взаимодействовать с ребёнком. Тот послушно лежал и смотрел мне в глаза.

—Неко плохо... — он начал жаловаться мне на самочувствие.

— Не переживай, — ответил я — Это скоро закончится.
— Неко скоро умрёт — догадалось гибридное существо.
— Понимаешь... — начал я, но Курбан меня перебил:
— Это не так. Скоро мы закончим и ты снова будешь жить прежней жизнью — он наклонился ко мне и на ухо прошептал: — Ребёнку никогда нельзя говорить о скорой смерти. Запомни, никогда.
Зверь издавал жалобные звуки, а я просто смотрел на это минуты две и после посмотрел на Курбана:
— Пора заканчивать. Гасим свет.
Курбан потянулся к закиси азота, но я отодвинул его руки со словами:
— Нельзя. Я хочу сам.
Вместо того, чтобы отключить электронное сердце, я командовал «Скальпель». Врач возмутился:
— Ты что, сдурел?! Так нельзя!
— Я знаю что делаю.
Он протянул мне скальпель и предложил котёнку зажмуриться, а когда он откроет глаза, то увидит сюрприз. Но глаза он никогда не открыл: я вонзил скальпель ему в горло и перерезал сонную артерию. Выражение лица Курбана не поменялось. Он привык к смертям с войны, а тут, работая врачом так тем более. Искусственное сердце я отключил и подставил под артерию ведро. Это и был конец...

ГЛАВА 4. Жизнь после.

Долго со своим поступком я смириться не мог. Хотел завалить одного, а в итоге троих. Сжигать тело Курбан не позволил, потому мы закопали его в яблонево́й роще в металлическом ящике.
Аня пошла на поправку, сердце прижилось. Она искала Неко и меня, но папа говорил, что Курбан его вылечил и теперь я отвёз восстанавливать своего «сына» в страну с принцессами. Она обещала вырасти и навестить нас там.
Жирафик стоял на полке, иногда напоминая мне о моем тяжёлом решении. Отец девочки уговорил Курбана передать мне его деньги со сборов и я обновил ремонт. Игрушки, которые я покупал для существа я сжёг, а то, что не сгорало — закопал.
Будущее не казалось таким светлым, но я знал одно: благодаря мне одна девочка может жить. И плевать, на что я для этого пошёл.
Главное, что я сделал доброе дело.

Послесловие.

Как вы могли заметить, в книге было жестокое обращение. И с чем оно связано объяснять, надеюсь, не стоит.

Но я хотел не описать чью-то жестокость, а показать, что неразумные решения делают с людьми.

Главный герой сказал в первой главе, что он, как и сорок процентов его сверстников, получил это существо по государственной программе «Смягчение сердец». Также он упомянул, что был привлечён к этому за административное правонарушение, из чего можно было понять, что сорок процентов его сверстников также имели подобные нарушения. Но как так вышло?

Тут вы вряд-ли догадались, но тех, кто смог — хвалю. Речь тут шла про то, что власти намеренно «шили» подобные дела на молодёжь для испытания таких созданий. Как вы могли понять, существо это ему не помогло, а только развило к самому себе жестокость.

Но герой никакой не садист. Давайте вернёмся к первой главе:

*Дали бы мне обычного кота — я бы его любил, дали бы
обычного ребёнка — я бы его любил. А это что? Какой-то*

тупой эксперимент японцев? Подобие жизни? Ошибка природы? Да что уж тут говорить, когда они даже вырасти нормально не могут.

Зачем мне было его давать? Что я, молодой административно осуждённый, могу с ним сделать? Посobie на него платят маленькое, а потребности как у ребёнка

А также эпизоды с Серым и как он описывал месть за Грома. И момент, где он выхватил его же у ветеринара. Это многое говорит о нем с хорошей стороны. Более того, в конце ему было тяжело его убить или хотя бы отдать на трансплантацию.

Ещё хочу немного сказать про Курбана. Если высказывание про Талибан вы помните, то вспомните и фразу «Мне плевать, за кого ты воевал». Исходя из этого можно понять, что воевал он против Союза, поэтому скрывает своё прошлое.

Надеюсь, неясных моментов больше нет. Ваши отзывы жду в комментариях и до новых встреч.